

Вы просили рассказать...

Сохранилась ли в театре профессия суфлера?
И. Соловьева, студентка.

Профессия — суфлер

— В нашем деле главное — говорить шепотом, — сказала Панна Ивановна Журавлева. Закончить она не успела: гигантское полотнище с вышитой золотом чайкой — эмблемой Художественного театра начало медленно раздвигаться. Когда открылся освещенный прямоугольник сцены, Журавлева быстро раскрыла книжку. На титульном листе надпись: «М. Роцин. «Валентин и Валентина».

Это была не программка — полный текст спектакля, и сидели мы не в зрительном зале, а как бы над ним — в фанерном полукружье, чуть выступающем над рампой. Вот уже почти тридцать лет здесь ра-

бочее место старейшего суфлера Московского Художественного академического театра П. И. Журавлевой.

Каждый вечер с третьим звонком она пробирается сюда по узкому проходу под сценой, не замеченная зрителями, и уходит тоже никем не замеченная. Имя Журавлевой не значится в афишах. Ее профессия считается отмирающей — символом старого театра. Говорят, недалек день, когда придет на сцену электроника — умная, неслышная помощница актера. Но пока не пришла. Все коллеги Журавлевой — ее воспитанницы, как и наставница, знают наизусть любой спектакль, идущий на сцене

театра. А их в репертуаре как никак более тридцати.

...На «Валентина и Валентину» Журавлева пригласила меня неспроста. В спектакле — новые исполнители, многие роли только освоены: наверняка ей, суфлеру, будет сегодня работа.

Действие идет пока ровно, без помех: точные реплики, выдержанные по времени мизансцены. Но Панне Ивановне не до отдыха. Она делает, на первый взгляд, невозможное: одновременно, как бы двойным зрением, следит за сценой и за текстом пьесы. Знает: в любой момент может понадобиться ее помощь — особый

направленный шепот, не слышимый зрителям.

И этот момент наступает. Нет, заминки в спектакле не происходит. Каким-то непонятным чутьем, буквально за мгновение до ошибки «посылает» Журавлева на сцену нужную реплику, всего одно слово. И актер ловко подхватывает брошенный ему «спасательный круг». Даже на первый взгляд ясно: работа чистая, без «швов»...

Уже потом я узнал: чтобы вот так точно предугадывать ошибки, Панне Ивановне пришлось составить своеобразные «лоции» спектаклей — обозначить в них «подводные камни». Это трудные места,

где чаще всего ошибаются актеры.

Есть у «лоцмана» Журавлевой и свои обозначения — условные символы, которые она ставит на полях пьес. Такие пометки, бережно сохраняемые, передаются суфлерами от поколения к поколению, как эстафета. Передаются, естественно, не сами по себе — страницами пьес, уже пожелтевших, в старинных кожаных переплетах.

С волнением, признаться, узнаешь, что экземпляр «Трех сестер», который я видел у П. И. Журавлевой, участвовал в самой первой мхатовской постановке этой пьесы. Возмож-

но, эту книжку держали в своих руках А. П. Чехов, К. С. Станиславский.

Карандаш суфлера, словно бы невидимой нитью связанный с происходящим на сцене, скользит по страницам пьесы, почти не останавливаясь. Одновременно Панна Ивановна надавливает какие-то кнопки на пульте, напоминающем панель ЭВМ, — «включает» свет в окне, шум дождя, звонки в дверь. А это значит, что за ее командами вместе с актерами внимательно следят осветители, звукооператоры, мастера шумовых эффектов — все, одним словом, кто ведет сложный «корабль» спектакля.

Конечно, «дирижирует» светом и звуками спектакля суфлер не один — рука об руку с помощником режиссера. Но у суфлера преимущество — со сцены виднее...

Когда упал занавес и объявили антракт, Панна Ивановна не отправилась, как другие, передохнуть — она заспешила к телефону. Нужно было позвонить в филиал МХАТа, справиться, как идет там спектакль. Интерес не случайный. В суфлерской будке дежурила самая молодая ученица Журавлевой — Г. Ангарова. В тот вечер она сдавала как бы главный экзамен...

А. ДРУСКИН.